

УДК 94 (47 + 57) << 1909/1911>>

Д.С. Лавринович (*г. Могилев, Беларусь*)

**ОТНОШЕНИЕ “БЕЛОРУССКОЙ ЖИЗНИ”
К БЕЛОРУСАМ-КАТОЛИКАМ (1909 – 1911 гг.)**

Газета “Белорусская жизнь” являлась печатным органом “Белорусского общества” в Вильно. Ее первый программный номер вышел 9 февраля 1909 г. Регулярно же она издавалась с января по июль 1911 г. Редактором газеты

был председателем общества Л.М. Солоневич, издателем – его заместитель П.В. Коронкевич. “Белорусское общество”, образованное в 1908 г., стояло несколько в стороне от других русских монархических группировок в Северо-Западном крае. Его политическое лицо определяло сочетание идей консервативного монархизма и либерализма, которое и нашло отражение на страницах “Белорусской жизни” Особый интерес представляет отношение газеты к белорусам-католикам, существенно отличавшееся от позиций других организаций “западнорусов”.

В платформе “Белорусского общества”, опубликованной в феврале 1909 г., утверждалось единство белорусов православных и католиков: “Так как белорусы в настоящее время благодаря своей принадлежности к двум вероисповеданиям – православному и католическому – представляются разрозненными и не объединены сознанием общности своих интересов, то ближайшая задача общества должна заключаться в том, чтобы объединить всех представителей этой народности без различия сословия, звания и вероисповедания...” [1]. Поставленную задачу предполагалось решать на основе уважения к свободе совести всех белорусов, вне зависимости от конфессии.

В сознание народных масс “Белорусская жизнь” пыталась внести мысль о том, что вероисповедание не может служить почвой для национального самоопределения. Особенно резко редакция газеты выступала против мнения, связывавшего католицизм с принадлежностью к польской нации. “Белорусское население могло допускать отождествление католицизма и польшизмы только по своему неведению, и только по этой причине оно могло полонизироваться при помощи костела”, – писалось в одной из передовых статей [2].

Защищая свою точку зрения “Белорусская жизнь” не стеснялась вступать в полемику с другими органами печати западноруссов. В частности, резкой критике подверглась газета “Минское слово”, редакция которой главным критерием определения национальности выбрала религию: все католики записывались в поляки, все православные – в русские. “Белорусское общество” признавало сильное влияние польской культуры на католическое население края. Более того, Л.М. Солоневич и его соратники считали, что у каждого народа есть свои больные раны, и для белорусского народа такой раной являются белорусы-католики: утратив православную веру, они попали под влияние поляков [3]. Но в то же время со страниц “Белорусской жизни” доказывалась ошибочность позиции “Минского слова”. “Белорусы-католики всецело себя поляками не признали, и есть большая надежда на то, что они в недалеком будущем признают себя тем, кем они должны быть, а именно: белорусами, т. е. русским племенем по крови и духу”, – утверждалось в статье постоянного автора газеты П. Остринца [4].

“Белорусское общество” считало белорусов неотъемлемой частью великорусского народа, без единения с которым в рамках Российского государства, их ждало полное историческое забвение и утрата самоидентификации. Все различия между русскими и белорусами, по мнению Л.М. Солоневича и его сторонников, были различиями внутри одной нации. Поэтому

лидеры “Белорусского общества” для выражения своих воззрений прибежали к уже устоявшимся понятиям: постулировали наличие трех “племен” – белорусского, русского и украинского, – которые должны были войти в единый союз на основе “гражданской свободы”.

Платформа организации признавала существование особого белорусского языка, но считала его из-за архаичности не пригодным для использования в государственной и культурной жизни. Данное положение обосновывалось следующим образом: “Так как белорусская интеллигенция как православная, так и католическая, до сего времени получала образование исключительно на русском языке, который (язык) является для всех наиболее общим, и так как белорусский язык из-за исторических условий был задержан в нормальном своем развитии на несколько столетий и поэтому слабо подготовлен к восприятию богатых плодов современной общечеловеческой цивилизации, “Общество” считает, что наиболее соответствующим для культуры развития белорусской народности может быть только язык российский...” [1]. Таким образом, место белорусского языка по праву должен был занять русский язык, как более соответствующий объективным условиям развития страны в начале XX в.

“Наша Ніва” так передавала идеологию лидеров “Белорусского общества”: “Беларускі народ – есць; ен мае свае асобныя патрэбы і жаданьня, ен так сама добры, як і кожны другі. Але ешчэ лепшымі зрабца беларусы тады, як усе пачнуць гаварыць толькі па расейску. Мы не лаем і не ганім беларускай мовы: не, барані Божа! Толькі, бачыце, яна неякая такая, што па беларуску ніяк ня можна шырыць асвету у народзе, нельга і вучыць у гэтай мове!” [5, с. 39].

Большинство православных белорусов, по мнению редакции “Белорусской жизни”, бесповоротно признало превосходство русского языка. Белорусы же католики в этом отношении находились на полудороге [4]. Для их полного воссоединения с русской нацией необходимо было провести располячивание католической церкви в Беларуси. “Нет сомнения, что располячивание белорусского костела совершится не без затруднений и не без препятствий, т.к. поляки не откажутся от упорного сопротивления”, – полагали руководители “Белорусского общества” [2]. Однако они считали, что римская курия, ради сохранения своей паствы, не будет противиться этому процессу. По мысли издателей “Белорусской жизни”, опасность представлял не католицизм сам по себе, а польско-язычная церковная иерархия, отождествлявшая его с “польщиной”.

Наиболее легкий способ располячивания костела “Белорусское общество” видело в замене лиц, занимавших высшие посты в местной католической иерархии, неполяками. “Пусть на местах епископов в нашем крае будут французы, немцы, испанцы, итальянцы, литовцы, одним словом лица какой угодно национальности, но ни в коем случае не поляки”, – писала “Белорусская жизнь” [6]. Для ослабления польского влияния она допускала введение в католическое богослужение белорусского языка. В одной из редакторских статей отмечалось: “...допущение в белорусских костелах проповедей и дополнительного богослужения на белорусском наречии решительно ничем русской нации не грозит” [7]. Напротив, в этом руководители “Белорусского

общества” усматривали наиболее быстрый путь подрыва польского влияния на белорусов-католиков. Поскольку из белорусского “наречия” особый язык никоим образом выработаться не может, то и бояться его, как основы для сепаратизма белорусов, доказывали Л.М. Солоневич и П.В. Коронкевич, не было никаких оснований. В целях развития краеведения “Белорусское общество” даже поддерживало собирание фольклорных произведений и попытки создания литературы для народа на белорусском языке.

Реальной же подоплекой целей “Белорусского общества” и его печатного органа в национальном и конфессиональном вопросах была идея полной ассимиляции белорусского народа русской нацией, хотя подавалась эта мысль в замаскированном, “смягченном” виде.

Литература

1. Платформа “Белорусского О-ва” // “Белорусская жизнь”. – 1909. – 9 февраля. – С. 3.
2. Вильна, 11 февраля // “Белорусская жизнь”. – 1911. – 11 февраля. – С. 1.
3. Вильна, 26 апреля // “Белорусская жизнь”. – 1911. – 26 апреля. – С. 1.
4. Остринец П. Сюрприз “Минского слова” полякам // “Белорусская жизнь”. – 1911. – 21 апреля. – С. 1.
5. Наша Ніва. Першая беларуская газета з рысункамі. Вып. 2. 1909 г. Факсімільнае выданне. – Мн., 1996. – С. 39.
6. Вильна, 18 июня // “Белорусская жизнь”. – 1911. – 18 июня. – С. 1.
7. Вильна, 3 июня // “Белорусская жизнь”. – 1911. – 3 июня. – С. 1.